

## «ДРАМА АТОМНОГО ВЕКА»

Вот уже какой месяц сотни ньюйоркцев до отказа заполняют зал репертуарного театра в Линкольн-центре, где с большим успехом идет пьеса Хайнара Киппхардта «По делу Роберта Опенгеймера».

Один из здешних критиков не без оснований назвал пьесу «ужаснейшей документальной драмой атомного века». В этих словах нет преувеличения, ибо то, что произошло с 12 апреля по 6 мая 1954 года на закрытых заседаниях отдела по вопросам безопасности американской комиссии по атомной энергии (а протоколы заседаний в сжатой, концентрированной форме и легли в основу пьесы), нельзя характеризовать иначе, как трагедию крупного ученого, оказавшегося жертвой маккартизма как зловещее проявление истерии, имя которой — антикоммунизм.

Драма физика-атомника Опенгеймера разворачивается на фоне кинокадров о первом грибоблином облаке над пустыней Америки об испеченной по приказу президента Трумэна Хиросиме, на фоне газетных вырезок с рассуждениями политиков и военных тех лет. Все это служит как бы предисловием, вводит зрителя в зловещую атмосферу 1954 года. Это был год,

когда сенат 85 голосами против одного (сенатор Фулбрайт) ассигновал 214 тысяч долларов на продолжение инквизиторских операций пресловутого «охотника за ведьмами» Джо Маккарти. В том же году председатель комиссии по атомной энергии Люис Ст्राусс под барабанный бой милитаристов «приободрил» нацию сообщением, что испытанная ранее американская водородная бомба способна разрушить до основания любой город на земле. И наконец в тот же самый период была официально поставлена под сомнение «благонадежность» ученого Опенгеймера, в прошлом руководителя работ по созданию в годы войны первой атомной бомбы.

В атмосфере маккартистской свистопляски и преследования инкомыслящих, которую искусство воссоздадут на сцене драматург и талантливая труппа актеров, и разворачивается инквизиторский допрос ученого-физика.

Действие пьесы развивается в помещении, напоминающем зал суда. Присутствуют арбитры, агенты секретной службы, адвокаты, стенографы. Из архивов ФБР доставлены материалы, где зарегистрированы каждый шаг, каждое слово ученого, даже в разговорах с невестой.

Судят Опенгеймера. Но судят не только его. В стране «свободы и демократии» судят его мысли, взгляды, наконец, его совесть. Это становится особенно очевидным, когда перед зрителями проходит целая вереница свидетелей — агентов секретной службы, коллег-ученых. Среди них особенно колоритен «отен» американской водородной бомбы воинствующий реакционер Эдвард Теллер, в сознании которого отлично укладываются перспективы уничтожения мира во имя «нового порядка», построенного на руинах и пепле. Свидетель «авторитетно» наносит коллеге удар ниже пояса, возмущаясь отсутствием «энтузиазма» у Опенгеймера в отношении водородной бомбы. Инквизиторы, стремясь задним числом закрепить ранее принятое решение по подозрению в недоблести, обвиняют ученого в симпатиях к коммунистам, в помощи борцам республиканской Испании. Но выше всего военщину страшат взгляды ученого, его влияние на коллег.

В прошлом антифашист поддерживавший тех кто боролся против Гитлера и Франко, ученый счел своим долгом отдать силы и знания работе в Лос-Аламосе по созданию атомной бомбы, чтобы опе-

редить во что бы то ни стало Гитлера. Однако вскоре после разгрома германского фашизма и особенно после уничтожения Хиросимы и Нагасаки в отношении Опенгеймера к ядерному оружию произошел перелом. Ученый увидел, какие ужасные последствия для судеб человечества таит в себе дальнейшая эскалация ядерных вооружений.

Опенгеймер не бросил открытого вызова атомным маньякам из Пентагона Единственно, что он позволил себе, — так это поделиться своими сомнениями и угрызениями совести в беседах с друзьями. Но в атмосфере антикоммунистической истерии и этого было достаточно. Сомнения были приравнены чуть ли не к измене, и на Опенгеймера был повешен ярлык неблагонадежного, политически прокаженного. Его судьба была решена.

...Пятнадцать лет минуло с тех пор пятнадцать насыщенных многими драматическими событиями лет. Но «дело Опенгеймера» не забыто. Оно по-прежнему глубоко волнует многих американцев. В этой истории прошлое перекликается с настоящим. Природа милитаризма не изменилась. Импералистическая военщина, «военно-промышленный комплекс» всегда

шли и идут бок о бок с реакцией, с попытками насадить интеллектуальный террор.

Многие люди науки в Соединенных Штатах все больше задумываются над тем, каково место исследователя в обществе, во имя добра или зла будут использованы достижения человеческого разума. И не только задумываются, но и выражают свои мысли, выступая против агрессии США во Вьетнаме, против злоупотребления научными открытиями, против подготовки средств бактериологической войны, против разжигания и без того опасной гонки вооружений. Свидетельство этих гуманных, антивоенных устремлений — состоявшаяся недавно однодневная забастовка американских ученых в десятках университетов страны. «Мы считаем, — заявила группа профессоров Массачусетского технологического института, — что для ученых и инженеров настало время заявить о своей ответственности за результаты научных исследований».

Как перекликается это воззвание с содержанием по существу своему антивоенной пьесы которая идет сегодня в театре Линкольн-центра.

Н. КУРДЮМОВ,  
(Соб. корр. «Правды»)  
г. Нью-Йорк.

ХЗ МАЯ 1955

ПРАВДА